

В. А. ДЫБО

О ДРЕВНЕЙШЕЙ МЕТАТОНИИ В СЛАВЯНСКОМ ГЛАГОЛЕ

В 1902 г. в статье «О некоторых аномалиях ударения в славянских именах» А. Мейе сделал попытку объяснить те случаи, когда вместо акута, наличествующего в балтийских языках, в славянском появляется циркумфлекс¹. Эти примеры древнейшей славянской метатонии он истолковал как результат выравнивания славянской подвижной парадигмы. Например:

- серб. *sīn*: литов. *šūnūs* (вин. п. *šūnų*), др.-прус. *soīns*;
 серб. *gláva* (вин. п. *glāvu*), русск. *голова́*, *головоу́*: латыш. *galva* (литов. *galvà*, вин. п. *gálvą*);
 словен. *zvěr* (род. п. ед. ч. *zverī*): литов. *žvėris* (вин. п. *žvėrį*), латыш. *žvērs* (род. п. ед. ч. *zvēra*);
 серб. *živ* (жен. р. *živa*), русск. *жив*, *жива́*, *живо́*: литов. *gyvas*, латыш. *dzīvs*.

Это правило в 1923 г. было принято Ван-Вейком в работе «Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme». Ввиду небольшого количества балто-славянских соответствий, приведенных Мейе, и того, что основной упор Мейе делает на объяснении многочисленных акцентологических аномалий в славянских именах на *-u-* и *-i-*, правило Мейе — Ван-Вейка не было использовано как орудие изучения балто-славянской акцентологической системы, а было воспринято как имеющее значение лишь для сравнительной грамматики славянских языков. Между тем это не так. Основные точные балто-славянские соответствия довольно последовательно приводят различие между баритонированной и подвижной (первоначально, возможно, окситонированной) парадигмами. Список этих соответствий мы здесь приводим.

Подвижная (окситонированная) парадигма

Основы на *-i-*

- 1) серб. *lūb* (род. п. *lūba*): литов. *lūbas* (мн. ч. *lūbai*), латыш. *luobs*, ср. латыш. *ludbu*, *ludbit*;
- 2) серб. *živ* (жен. р. *živa*), *жив*, *жива́*, *живо́*: литов. *gyvas*, латыш. *dzīvs*;
- 3) серб. *nāg*, *nāga*, *nāgo*, литов. *niogas*, латыш. (диал.) *niogs*;
- 4) русск. *юн*, *юна́*, *юно́*, др.-чеш. *junoš*: литов. *jūnas*, латыш. *jauns*;
- 5) серб. *mūdar*, *mūdra*, *mūdro* (наречие *mōdro*), словен. *mōdar*; литов. *mandrūs*, латыш. *miōdars*;
- 6) серб. *rāg*, русск. *обраг*: литов. *rāožas*, *-aĩ*;
- 7) серб. *mīr* (род. п. *mīra*), серб. обл. *mījer*: литов. *mieras* (XVI в.), латыш. *miērs*;
- 8) серб. *slijed* (род. п. *slijeda*): латыш. *slaidis*;
- 9) серб. *smrād*: латыш. *smāřds*;
- 10) словен. *rēz*: литов. *rėžas*, *atrėžai*;
- 11) русск. диал. *нором*: литов. *nārtas*, вост.-латыш. *nořts* (= латыш. **nāřts*).

Основы на *-ā-*

- 1) серб. *gláva* (вин. п. *glāvu*), русск. *голова́*, *головоу́*: литов. *galvà* (вин. п. *gálvą*), латыш. *galva*;
- 2) серб. *srijeda* (вин. п. *srijedu*), русск. *середá*, *середу́*: латыш. *seřde* (вероятно, вторичная *-ē-*основа);

¹ РФВ, т. XLVIII, № 3—4, 1902.

- 3) серб. (диал.) *žlŋa* «черный дятел», чакав. *žūnà*, русск. диал. *желна́*: литов. *gilna*, латыш. *dziļna*;
 4) серб. *kūna* (чакав. *kūnà*), укр. *кунá*: литов. *kiūnė*, латыш. *caūna*, *caūne*. Ср. также литов. *Kiaunà* — название реки.

Основы на -ŷ-

- 1) серб. *sŋn*: литов. *sūnūs* (вин. п. *sūnu*), др.-прус. *soŋns*;
 2) словен. *slād* (род. п. *slāda*, *slādū*), русск. *солод*: литов. *saldūs* (вост.-литов. вин. п. *saldū*), латыш. *saīds*;

Основы на -ʒ-

- 1) словен. *zvēr* (род. п. ед. ч. *zvērī*): литов. *žvėris* (вин. п. *žvėrį*), латыш. *zvērs* (род. п. ед. ч. *zvēra*).

Баритонированная парадигма

Основы на -d-

- 1) серб. *pŋn*: литов. *pilnas*, латыш. *pīlns*;
 2) серб. *dŋg* (жен. р. *dŋga*): литов. *ilgas*, латыш. *ilgs* (жен. р. *ilga*);
 3) серб. *sŋr* (род. п. *sŋra*), чеш. *sŷr*: литов. *sūras*, латыш. *sūrs*;
 4) серб. *dŋm* (род. п. *dŋma*), чеш. *dŷm*: литов. *dumai*, латыш. *dūmi*;
 5) серб. *čŋst* (жен. р. *čŋsta*): литов. *skŷstas*, латыш. *skīsts* (но также *sk'ists*, ср. с русск. *чистá*);
 6) серб. *lŋstŋ*, русск. *лстŷий*: латыш. *īsts*;
 7) серб. *mŋo* (жен. р. *mŋila*): литов. *mielas*, *mŷlas*, латыш. *mīl's* (древняя и-основа), вост.-латыш. *mīls* (< *mielas*);
 8) русск. диал. *ворóд*, белорусск. *аварóд*: литов. *žardas* (мн. ч. *žardai*), латыш. *zārdas*.

Основы на -ā-

- 1) серб. *lŋpa*, чеш. *lŋpa*: литов. *liepa*, латыш. *liēpa*;
 2) серб. *sŋrāka*, *sŷrāka*, русск. *сорóка*: литов. *šarka*;
 3) серб. *lŋva*, русск. *лва*, чеш. *lŋva*: латыш. *iēva* (но литов. *ieva*, вин. п. *iėva*);
 4) серб. *vŋrŋna*, русск. *ворóна*: литов. *vārna*, латыш. *vārna*;
 5) серб. *vŋna*, болг. *вѣна*, русск. диал. *вѣна*: литов. *vilna*, латыш. *vīlŋa*;
 6) болг. *жŷна* (жен. р.): литов. *žŷainos* (жен. р. мн. ч.), латыш. *žaiŋnas* (жен. р. мн. ч.);
 7) серб. *grŋva*, русск. *грѣва*: латыш. *grīva*;
 8) серб. *kŷpa*, русск. *кŷпа*: литов. *kūpa*, латыш. *kuōpa*;
 9) серб. *sŋla*, чеш. *sŋla*, русск. *сѣла*: литов. *siela*;
 10) русск. диал. *алŷса*, серб. *glŋva*: литов. *glėvos*, -ŷ- (мн. ч.);
 11) русск. диал. *рѣда*, серб. *rėda*: латыш. (куршск.) *riūda*.

Основы на -ʒ-

- 1) серб. *nŋti* (род. п. *nŋti*): литов. *nŷtis* (обычно мн. ч. *nŷtys*), латыш. *nīts* (вин. п. *nīti*);
 2) чеш. *lŋň*, русск. *лŷнь*: др.-прус. *linis*, литов. *lŷnas*, латыш. *līnis*;
 3) серб. *dŷvėr* (род. п. *dŷvėra*): латыш. *dīvėris* (литов. показывает подвижную парадигму: *dīvėris*, род. п. *dīvėrišs* и *dīvėrs*, им. п. мн. ч. *dīvėrs*).

Отход от правила Мейе — Ван-Вейка наблюдается в славянских основах на -ʒ- среднего рода: серб. *rālo*, чеш. *rādlo*, русск. *рáло*: литов. *árklas* (мн. ч. *arklai*), латыш. *arĥklis* (род. п. *-la*); серб. *lŷko*, чеш. *lŷko*, русск. *лŷко*: латыш. *lūks*, др.-прус. *lunĥan*, но литов. *lūnĥas* (мн. ч. *lūnĥai*); серб. *sŷto*, чеш. *sŷto*: латыш. *siēts*, но литов. *sietas* (мн. ч. *sietai*). Это расхождение между славянскими и балтийскими языками легко объясняется особым развитием балтийских языков, где переход древних имен среднего рода в морфологическую категорию мужского рода и связанное с ним изменение форм могли повлечь за собой смену акцентной парадигмы (ср. несоответствие между литовским и латышским языками в двух последних примерах).

Четкое противопоставление баритонированных и окситонированных парадигм имен в балто-славянском языке позволяет применить правило

Мейе — Ван-Вейка для выявления различных по ударению парадигм в балто-славянском глаголе¹.

Наличие баритонированной и подвижной парадигм в балтийском глаголе доказывается проведением в латышском глаголе двойного рода интонации на бывших акутированных корневых гласных: латышская восходящая интонация отражает балтийский акут в баритонированной парадигме, а латышская прерывистая интонация — балтийский акут в подвижной парадигме. Характерно, что литовский глагол почти не сохранил этого противопоставления. Ср.: литов. *malù, maliaũ, málti* (в форме 1-го лица наст. и прош. времени перенос ударения по закону Фортунатова — де Соссюра), латыш. *mal'u, malu, mált*; литов. *klóju, klójau, klóti*, латыш. *klāju, klát*.

В латышском глаголе прерывистая интонация проходит во всех формах с коренным долгим гласным, поэтому нельзя с уверенностью судить о том, имеем ли мы дело с окситонированной или уже с подвижной парадигмой и какие формы имело конечное ударение. Некоторые данные для установления окситонированных форм могли бы дать литовские говоры, но они еще недостаточно изучены. Во всяком случае остатки окситонизмы сохраняются в действительном причастии настоящего времени, в диалектных формах перфекта типа *sedàs, stajàs, kelès* и т. п. и, вероятно, в сослагательном наклонении типа *būtų* в дзукающих говорах юга Литвы, а также в ряде говоров средней и восточной Литвы.

*

Наличие конечного ударения в сослагательном наклонении свидетельствует, вероятно, о конечном ударении супина, с которым это наклонение тесно связано. Попытки объяснить окситонезу сослагательного наклонения ритмическими причинами явно неудачны. Уже диалектографические основания говорят о большей древности окситонированных форм: в южной Литве говоры, проводящие тип *būtų*, представляют собой замкнутый островок, ограниченный полосой говоров, проводящих тип *būtų*, который, очевидно, является компромиссным между типом *būtų* и типом *būtų* в соседних говорах и в литературном языке. Проявление типа *būtų* в виде спорадических островков по территории восточной Литвы тоже подтверждает большую древность конечного ударения. В пользу этого как будто бы свидетельствует тенденция унифицировать ударение глагола по типу инфинитива, явственно проявляющаяся в говорах, которые легли в основу литературного языка. Исходя из вышеизложенного, можно предположить следующее развитие ударения в литовском сослагательном наклонении: *būtū > bŭtų > bŭtų* (по типу инфинитива).

¹ Следует заметить, что отказ от закона Фортунатова — де Соссюра как методологического правила заставляет Станга (см. Chr. S t a n g, Slavonic accentuation, Oslo, 1957) восстанавливать для протославянского языка три акцентные парадигмы в системе глагола, в результате чего баритонированные глаголы распределяются между собственно баритонированными и рецессивными. Но глаголы этих парадигм объединены морфологически и противопоставлены глаголам окситонированной парадигмы. Эта связь отразилась не только в акцентно-морфологическом правиле Ван-Вейка (ср. ст.-слав. аорист *би, каа*, но *литъ*), но и в факте образования от баритонированных (первые две парадигмы по Стангу) глаголов на *-e-* с корнем, оканчивающимся на согласный, форм простого аориста (ст.-слав. аорист *лѣж, легж, идж, моуж* и др.), а от окситонированных глаголов — форм сигматического аориста: ст.-слав. аорист *нбса, тбша, бася-сбша* и др. Это акцентно-морфологическое правило должно было сложиться до возникновения новоакута и, следовательно, до предполагаемой Стангом рецессии ударения в формах глаголов второй парадигмы. Но данное правило не могло бы сложиться, если бы в этот период не существовало единой баритонированной парадигмы, включившей и глаголы, в которых Станг предполагает рецессию ударения. Эти соображения заставляют нас отклонить предложенное Стангом первоначальное «трidelение» акцентных парадигм славянского глагола и настаивать на большей древности дихотомии с естественно вытекающим отсюда признанием закона Фортунатова — де Соссюра.

Рассмотрим славянские факты. Сербские глаголы, имеющие в инфинитиве рефлекс акута, делятся по акцентуации своей парадигмы на две группы: 1) инфинитив *sjěsti*, 1-е лицо ед. ч. наст. вр. *sjědēm*, аорист, 1-е лицо ед. ч. *sjědoh*, 2-е и 3-е лицо аориста *sjěde*, *l*-причастие *sjěo*, *sjěla*; 2) инфинитив *prěsti*, 1-е лицо ед. ч. наст. вр. *prědēm*, аорист, 1-е лицо ед. ч. *prědoh*, 2-е и 3-е лицо аориста *prěde*, *l*-причастие *prěo*, *prěla*. В русском языке имеются соответствия этим двум типам сербского глагола: 1) инфинитив *сесть*, 1-е лицо ед. ч. наст. вр. *ся́ду*, прош. вр. *се́л*, *се́ла*; 2) инфинитив *прять*, 1-лицо ед. ч. наст. вр. *пра́ду*, прош. вр. *пра́л*, *пра́л*.

Второй тип отличается от первого, таким образом, формами настоящего времени, в которых наблюдается конечное ударение, формами аориста (во 2-м и 3-м лицах), где акут заменяется циркумфлексом, формами *l*-причастия, где акут также заменяется циркумфлексом. (Сербские формы *prěo*, *prěla* являются вторичными, в отличие от русских. В литературном сербском языке глаголы с основами на согласный проводят сплошную баритонезу в *l*-причастии; ср. серб. *pāsti*, аорист *pāse*, *l*-причастие *pāsla*, но русск. *паса́л*; серб. *sjě·i*, аорист *sjěče*, *l*-причастие *sjěkla*, но русск. *сека́л*; серб. *krāsti*, аорист *krāde*, *l*-причастие *krāla*, но русск. диал. *кра́л* и т. п. Ср. также такие глаголы, как *piti*, аорист *pī*, *l*-причастие *pīla*; *viti*, аорист *vī*, *l*-причастие *vīla* и т. п., где совпадение между 2-м и 3-м лицом ед. числа аориста и *l*-причастием проводится довольно строго.)

Аналогичное деление проходит и в формах супина. В словенском языке супин окситонированных в настоящем времени глаголов (с долгой восходящей интонацией в инфинитиве) показывает долгую нисходящую интонацию: *pāsti*: *pāst*, *piti*: *pīt* и т. д. Этой мене интонации соответствует мена долготы и краткости в чешском языке: *brāti*: *brāt*; *ptāti*: *ptat*; *spāti*: *spāt*; *slouti*: *slut*; *pīti*: *pit* и т. д. Возможно, некоторые следы подобной метатонии сохранились в полабском языке (ср. дублетные формы инфинитива *sāpat*: *sapót*).

Параллелизм балтийских и славянских фактов позволяет предположить, что метатония в славянских глаголах связана с их древнейшей окситонезой (или подвижностью ударения)¹. Постараемся показать правильность предположения о балто-славянском характере окситонезы ряда форм глагола. Выяснив, что балтийским окситонированным глаголам соответствуют славянские глаголы, проводящие метатонию, а балтийским баритонированным глаголам — славянские глаголы без метатонии, постараемся дать объяснение метатонии в аористе. Ниже дается обзор соответствующего материала.

Примеры соответствия балтийских глаголов подвижной (окситонированной) парадигмы славянским глаголам с метатонией

Индоевропейские основы с *-i-*, *-ēi-*

- 1) русск. *вить*, *вою*, *вил*; серб. *viti*, аорист *vi*, *l*-причастие *vīo*, *vīla*, *vīlo*: литов. (диал. *vijū*), *vijai*, *vūti*; латыш. *viju*, *vīt*;
- 2) русск. *лечь*, *лечь*, *лечь*, *лечь*; серб. *liti*, аорист *lī*, *l*-причастие *līo*, *līla*, *līlo* (литер. *līla*, *līlo*): литов. *lieju*, *liejai*, *liei*; латыш. *leju*, *lēju*, *lēt*;
- 3) русск. *жить*, *живу*, *живешь*, *жил*: литов. *gyti*, латыш. *dzīt*.

¹ Ср. L. B u l a c h o v s k i j, Die Intonation des slavischen Supinum, «Zeitschr. für slav. Philologie», Bd. IV, 1927. Иное объяснение см.: N. v a n W i j k, Zu den slavischen und baltischen Präteritalstämmen auf *-ā-*, *-ē-*, «Tauta ir Žodis», kn. IV, Kaunas, 1926; е г о ж е, L'accentuation de l'aoriste slave, «Revue des études slaves», t. III, fasc. 1—2, 1923; е г о ж е, Die slavischen Partizipia auf *-to-* und die Aoristformen auf *-t-*, «Indogerm. Forsch.», Bd. XLIII, Hf. 3—4, Berlin — Leipzig, 1926.

Индоевропейские основы с *-ēu-*

- 1) русск. *быть, был, была, буду* (укр. диал. *буду*); серб. *bīti*, аорист *bī*, *l*-причастие *bīa*; литов. *būvo*, будущ. вр. *būsiu*, инфинитив *būti*; латыш. инфинитив *būt*, будущ. вр. *būšu*; пр.-прусс. *boiti*;
- 2) серб. *kivati, kijaet* (русск. *куб, кубель*), аорист *kivā*, *l*-причастие *kivāla* (перемещение акцента по закону Шахматова); литов. *kāuju, kāuti*; латыш. *kāuji, kāut*;
- 3) русск. *реать, реу, реешь, реалá*; серб. *rvati se*, аорист *rvā se*, *l*-причастие *rvao se, rvāla se*; чеш. *routi*; литов. *rāuti, rāuna, rōvė*; латыш. *raūt, raūju*;
- 4) серб. *bljivati*, аорист *bljivā*, *l*-причастие *bljivālo*; литов. *[bliāuju, bliāviau, bliāuti, bliūvū, bliūvaū, bliūti*; латыш. *bl'āuju, bl'āvu, bl'āut*.
- 5) Для слав. *plūti, plouf, plylā* интересно сопоставление с латышским *plūstu, plūdu, plūst*, где при обычной баритонезе презенса глаголов на *-st-* прерывистая интонация выглядит как рефлекс очень старого состояния.

Индоевропейские основы с долгим монофтонгом

- 1) серб. *dāti*, аорист *dā*, *l*-причастие *dāo, dāla*; литов. *dāomi (dāodu, dāomu, dāviaū)*; латыш. *duōmu (duōdu), duōt*;
- 2) серб. *smējati se*, аорист *smijā se*, *l*-причастие *smijālo se*; латыш. *smēju, smēju, smiēt*;
- 3) серб. *klāsti*, аорист *klāde*, *l*-причастие *klāla* (русск. *клать, кладу, клалá* — диал.); литов. *klōu, klōjau, klōti*; латыш. *klānu, klāt*;
- 4) серб. *krāsti*, аорист *krāde*, *l*-причастие *krāla* (русск. диал. *кралá*); латыш. *krāju, krāt*.

Индоевропейские основы с плавным и носовым

- 1) серб. *ūprijeti*, аорист *ūprije*; русск. *впередь, впрѣ, впер, впередá*; литов. *spiriū, spýriau, spirti*; латыш. *spēr'u, spēru, spērt*;
- 2) русск. *жрать, жрет, жралá*; литов. *geriū, gėriau, gėrti*; латыш. *dzer'u, dzėru, dzert*;
- 3) серб. *drati*, аорист *drā*, *l*-причастие *drāla*; литов. *ariū, ariaū* (вост.-литов. *ōriau*), *arti*; латыш. *ar'u, aru, art*;
- 4) серб. *nāpēti*, аорист *nāpē*, *l*-причастие *nāpēo, nāpēla*; литов. *pinū, rýniau, pinti*; латыш. *pinu, pin'u, pit*;
- 5) серб. *ročēti*, аорист *ročē*, *l*-причастие *ročēo*; русск. *начать, начал, началá*; латыш. *cīties, cīstuos* (форма претерита *cījuos*, вероятно, вторична).
- 6) для русск. *принять, принялá* интересно сравнение с латыш. *jeņu, jēņu, jeņt*. Интонация *jeņt*, вероятно, под влиянием йотированной формы. Литовский язык показывает циркумфлексовую интонацию: *imū, emiāū, imti*.

Основы на согласный

- 1) серб. *prēsti*, аорист *prēde*, *l*-причастие *prēla* (русск. *прелá*); литов. *sprėndžiu, sprėndžiau, spręsti*; латыш. *spridžu, spriest*;
- 2) русск. диал. *бечь, бегѣт, убегалá*; литов. *bėgu, bėgau, bėgti*; латыш. *bėgu, bėgt*;
- 3) серб. *mūsti*, аорист *mūze*, *l*-причастие *mūzao, mūzla*; литов. *mėlžu, miltžau, miltžti*; латыш. *miļzt*;
- 4) серб. *gristi*, аорист *grize*, *l*-причастие *grizao, grizla*; литов. *grāužti*; латыш. *grauzt*.

Примеры соответствия балтийских глаголов баритонированной парадигмы славянским глаголам без метатонии

Индоевропейские основы с *-ēu-*

- 1) серб. *šiti*, аорист *ši*, *l*-причастие *šio, šila*; литов. *šiuvi, šiuvaū, šiati*; латыш. *šugi (šuju и šūnu), šuvi, šūt* (ср. еще укр. *шати, шлю*).
- 2) серб. *krili*, аорист *kri*, *l*-причастие *krio, krila*; литов. *krāuju, krōviau, krāuti*; латыш. *kr'āuju (kr'āuju), kr'āvu, kr'āut*.

Индоевропейские основы с долгим монофтонгом

- 1) серб. *djeti*, аорист *dje*, *l*-причастие *d'o, djela*; латыш. *dēju, dēt*. Интонация *dēju, dēt*, вероятно, из неметатического спряжения, ср. литов. *demī, dedū*;
- 2) русск. *спеть, спѣю, спѣла*; словен. *spējem, spēti*; литов. *spėju, spēti*; латыш. *spēju, spēt*;
- 3) серб. *sējēt, sējati* и т. д.; русск. *сею, сеять, сеяла*; литов. *sėju, sėjau, sėti*; латыш. *sēju, sēt*;
- 4) укр. *м'яяти, м'яе, м'яяла*; словен. *mājem, mājati*; литов. *māju, mājau, mōti*; латыш. *māju, māt*.

Основы на носовые и плавные

1) русск. *мять*, *мьяла*; словен. *mānet*, *mẽti*; литов. *minù*, *mūniau*, *minti*; латыш. *miņu*, *mit*;

2) серб. *klāti*, аорист *klà*, I-причастие *klāo*, *klāla*; русск. *колоть*, *колбл*; литов. *kaũ*, *kaliaũ* (*kaliaũ*), *kalti*; латыш. *kaļu*, *kaļu*, *kaļi*;

3) русск. *молоть*, I-причастие *молбл*; серб. *mljēti*, аорист *mljē*, I-причастие *mljo*, *mljēla*; литов. *maiũ*, *maliaũ* (вост.-литов. диал. *malaiũ*), *malti*; латыш. *maļu*, *maļu*, *maļi*;

4) русск. *бароть*, *борбл*; литов. *barũ*, *bariaũ*, *barti*; латыш. *bar'u*, *bāru*, *barti*;

5) русск. диал. *завереть*, *заеер*; болг. *заврѣла* (*сра*) (серб. формы *zavr'o*, *zavr'la*, приводимые Ивковичем, вероятно, вторичны); литов. *verũ*, *vėriaũ*, *vėrti*; латыш. *ver'u*, *veru*, *vėrti*;

6) серб. *třti*, аорист *tř*, I-причастие *tř'o*, *třla*; русск. *тереть*, *тєрл*; словен. *trėti*; литов. *tiriũ*, *tūriaũ*, *tirti*, *triniũ*, *trūniaũ*, *trinti*. Отражение старой баритонезы, возможно, представлено в латыш. *trinu*, *trin'u*, *triti*;

7) серб. *pondreti*, о баритонезе свидетельствуют формы страдательного причастия прошедшего времени *pondrt*, *pondrta*; литов. *nėrti*, *nėriũ*, *nėriaũ*; латыш. *nėrt*, *ner'u*, *nėru*.

8) ст.-слав. глагол *жрѣти*, *жреть* (аорист 3-е лицо ед. числа *пожрѣ*, I-причастие *пожрѣль*, -ла) имел накоренной акцент во всех формах, если акцентно-морфологическое правило Ван-Вейка верно (согласно этому правилу, глаголы на пиркумфлексированный дифтонг имеют аорист с -тъ, глаголы с акутовым дифтонгом образуют корневой аорист без -тъ). Ему соответствует литовский глагол *girti*, *giria*, *gūrė* и латышский глагол *dzir'uōs*, *dzīruos*, *dzīrties* с баритонированной парадигмой.

В нескольких латышских глаголах представлена подвижная парадигма, однако славянские параллели дают формы без метатонии:

1) латыш. *dēju*, *dēt* (наряду с *dēju*, *dēt*): серб. *djēti*; аорист *djē*, I-причастие *djēla*;

2) латыш. *ēmu* (*ēdu*), *ēdu* (*ēžu*), *ēst*: серб. *jēsti*, аорист *jēde*, I-причастие *jēla*;

3) латыш. *sēju*, *sēdu*, *sēst*: серб. *sjēsti*, аорист *sjēde*, I-причастие *siēla*;

3) латыш. *stāju*, *stāt*: серб. *stāti*, аорист *stā*, I-причастие *stāla*.

В латышском глаголе *sēst* Миккола объясняет прерывистую интонацию влиянием *sēdet*, но можно всю эту группу глаголов объяснить первоначальной принадлежностью к атематическому спряжению на -*mi* [ср. древние и диалектные литовские формы: *demì* (1-е лицо ед. ч.), *ėme* (1-е лицо мн. ч.), *sėdmi*, *stovmi* (1-е лицо ед. ч.)], в котором еще в языке П. Даукши сохраняются окситонированные формы: 1-е лицо мн. числа *eimė*, наряду с *ėime*, *esmė*; *estė* (2-е лицо мн. ч.), *demì* (1-е лицо ед. ч.), *duomì* (1-е лицо ед. ч.).

Что касается латышских вариантов *jeĩnt*, *jeĩnt*, то, на наш взгляд, можно исходить из сосуществования двух балтийских (а возможно, и балто-славянских) форм: **imė*- и **jėmje*- [ср. латыш. *jēmi* (инфинитив *jimti*) и латыш. *n'ėmju* (диал. *n'ėml'u* и 3-е лицо мн. ч. -*jėml'a*), литов. *imũ* (инфинитив *imti*) и *jeĩnt*], которым, вероятно, соответствуют славянские: *jēti*, *jeĩla* (ср. русск. *понял*, *пoнѣл*, наст. время окситонированное *поймѣт*) и *ĩmati*, *ėmлю* с баритонезой настоящего времени: *приėмлю*, *приėмлет*. При этом глагол *imti* подвергся сильному влиянию форм глагола *jēmi*; отсюда и формы со ступенью -*e*- и в дальнейшем генерализация той или иной интонации (по диалектам).

Для сравнения серб. *miti*, *mila*; латыш. *maĩt* укажем на сербские формы аориста *mĩ*, *izmĩ* (наряду с *mĩ*), которые могут свидетельствовать о древней подвижности ударения. Под влиянием тенденции к баритонированию йотированных парадигм она заменилась баритонезой. Старую баритонезу латыш. *žaiņu*, *žāvu*, *žaiūt* отражает, вероятно, русская диалектная (и литературная первой половиной XIX в.) форма *сюю*. Глагол *плебѣть*, *плюю* (серб. *pljũvālo*) (ср. латыш. *spl'āijũ*) слишком часто ассоциировался с глаголом *блевѣть*, *блюю* (серб. *bljũvālo*) (ср. латыш. *bl'āijũ*, *bl'āvu*, *bl'āūt*), чтобы его ударение имело самостоятельное зна-

¹ См. N. v a n W i j k, Die slavischen Partizipia..., стр. 286.

чение. Но еще у Пушкина: «...и илблет на алтарь, где твой огонь горит, И в детской резвости колеблет твой треножник».

Таким образом, если отбросить дублетные формы и глаголы, в которых мы можем предполагать позднейшие акцентологические изменения, то остаются две группы глаголов, в которых наблюдается соответствие между балтийской подвижной парадигмой и метатонией в аористе и *l*-причастии славянских глаголов в одной группе и балтийской баритонированной парадигмой и отсутствием метатонии в славянских глаголах — в другой. С балтийской стороны в это сопоставление входят в большинстве своем глаголы без распространения корня или основы, которую можно предполагать в балто-славянский период; славянские же глаголы можно разделить на три группы: 1) глаголы с неизменной основой, 2) глаголы с детерминативом, которого нет в балтийском, 3) глаголы с аористным *-ā-*, распространившимся на инфинитив и *l*-причастие уже в славянском языке.

Конечно, наибольшую доказательную силу имеет первая группа глаголов:

Окситонированная
парадигма

серб. *vīti, vī, vīla*: латыш. *vīt*
серб. *līti, lī, līla*: латыш. *liēt*
русск. *жить, жилá*: латыш. *dzīt*
серб. *bīti, bī, bīla*: латыш. *bāt*
серб. *dāti, dā, dāla*: латыш. *duōt*

русск. *понять, поня́л*: латыш. *jeñt*
серб. *nāpēti, nāpe, -o*: латыш. *pīt*
серб. *prōcēti, prōcē*: латыш. *ciities*
русск. *запереть, заперá*: латыш. *speřt*
серб. *prēsti, prēde (прялá)*: латыш. *spriēst*;
русск. *бечь, убежá*: латыш. *bēgt*
серб. *mūsti*, аорист *mūze*: латыш. *mīzt*
серб. *grīsti*, аорист *grīze*: латыш. *graūzt*

Баритонированная
парадигма

серб. *šiti, šī, šila*: латыш. *šūt*
серб. *křiti, křī, křila*: латыш. *kr'āūt*
серб. *djēti, djē, djēla*: латыш. *đēt*
русск. *спеть, спéла*: латыш. *špēt*
русск. *мýть, мýла*: латыш. *mīt*

серб. *klāti, klā, klāla*: латыш. *kaīt*
серб. *mļjēti, mļjē, mļjēla*: латыш. *māīt*
русск. *борóть, борóла*: латыш. *bařt*
русск. *завереть, заверь*: латыш. *veřt*
серб. *pōndreti, pōndrt*: латыш. *neřt*
ст.-слав. *жрѣти, пожрѣ*: латыш. *dziřties*, на интонацию ст.-слав. глагола указывает форма аориста

В глаголах, структура основы которых изменена присоединением детерминатива или согласного суффикса, присоединение согласного суффикса, не меняющего количества слогов, может не нарушить акцентную парадигму. Ср.: окситонированная парадигма: 1) серб. *klāsti*, аорист *klāde*, русск. диал. *кчалá*: латыш. *klāt*; 2) серб. *krāsti*, аорист *krāde*, русск. диал. *кчалá*: латыш. *krāt*. Баритонированная парадигма: серб. *třti, tř, třla*; латыш. *ūt*. Здесь латышский показывает измененную структуру основы.

Метатония в *l*-причастиях у этой группы глаголов в славянских языках, вероятно, отражает рессессию ударения. В аористе в таком случае нужно принять также передвижение ударения к началу слова. Это предположение не встречает препятствий во 2—3-м лицах тематического аориста: *prēde, mūze, grīze, klāde, krāde*. Более сложно обстоит дело с аористами: *vī, lī, bī, dā, nāpe*, ст.-слав. *жить, по́нть, ѡпрїе*. Но характерно, что все эти глаголы в старославянском языке образовывали 2-е и 3-е лица аориста с окончанием *-тъ* (*бытъ, дастъ, повитъ, заплтъ, по́нть, житъ*; не засвидетельствованы формы на *-тъ* от двух других глаголов: *прѣти, лити*) в противоположность глаголам без метатонии, у которых формы на *-тъ* крайне редки. Мы не будем входить в подробности гипотез о происхождении этого окончания, но отметим, что пережиточный характер его в старославянском языке говорит о его древности. Возможно, оно входит в круг окончаний дентальных претеритов, засвидетельствованных в германских, кельтских и

оскском языках и до сих пор не получивших удовлетворительного объяснения. В таком случае мы могли бы предполагать первоначальное ударение на окончании; в результате рецессии этого ударения и могла возникнуть метатония¹.

В ряде славянских глаголов произошло распространение форманта *-ā-* с аориста на инфинитив и *l*-причастие:

Окситонированная
парадигма

серб. *kòvati, kòvā, kòvāla*; латыш. *kaūt*
серб. *řvati se, řvā se, řvao se*; латыш. *raūt*
серб. *bljūvati, bljūvā, bljūvālo*; латыш. *bl'auīt*
серб. *smějati se, smějā se, smějālo se*; латыш. *smiēt*
русск. *жрѣтъ, жрѣлъ; латыш. dzeĩt*
серб. *òrati, òrā, òrao*; латыш. *aĩt*

Баритонированная
парадигма

серб. *sějati, sējao*; латыш. *set̃*
укр. *мѣти, мѣе, мѣяла*, словен.
májem, májati; латыш. *māt*

Метатонизированные формы здесь можно объяснить следующим образом: *l*-причастие имело конечное ударение до распространения *ā*-форманта (**rūyl̥* или **rūl̥*); при распространении *-ā-* в образованных формах сохранялось старое место ударения (**rūyāl̥*); последующая рецессия ударения на предпоследний слог приводила к метатонии (**rūyāl̥ > r̥vāl̥*). По закону Фортунатова — де Соссюра, в форме женского рода происходило передвижение ударения на окончание (*r̥vāl̥*). Затем в формах мужского и среднего рода по закону Шахматова ударение переходило на первый слог (**r̥vāl̥ > *r̥vāl̥ > серб. řvao, *r̥vālo > *r̥vālo > серб. řvālo*). В сербском языке произошла генерализация начального ударения.

Труднее объяснить метатонию в аористе. Было бы очень заманчивым предположить и в аористе на *-ā-* во 2-м и 3-м лицах наличие в общеславянском языке окончания *-t̥s̥*², однако соответствующие факты в славянских и в балтийских языках отсутствуют. Будет более осторожным, если мы предложим следующую гипотезу. На определенном этапе развития общеславянского языка между аористом и формами, закономерно проводящими метатонию, установилось акцентологическое соотношение (такое соотношение возникло под влиянием простых глаголов, в которых метатония в аористе была закономерна): $\frac{viti}{vilt̥} : vī = \frac{r̥vāti}{r̥vāl̥} : x$, откуда $x = r̥vāl̥$. Таким образом произошла генерализация циркумфлексивной интонации в аористе.

¹ Имеется другая возможность разрешения этой проблемы: как конечное ударение, так и просто распространение циркумфлекса на данные аористы могло произойти под влиянием причастий на *-тъ*, которые, как считает Л. А. Булаховский, также проводили эту метатонию. Так как причастия на *-тъ* образовывались лишь от глаголов, которые имели формы *-тъ* аористов, то между этими категориями создалось морфологическое соотношение, которое могло повлечь распространение конечного ударения или начального циркумфлекса причастия на аорист.

² В таком предположении нет ничего невероятного; ср. положение в оскском языке, где претерит на дентальный образуется от глаголов на *-ā-*.